

Editorial

Понятие информационной грамотности стало входить в обиход исследователей, политиков, законодателей во второй половине 1970-х гг. С увеличением объемов публично доступной информации и развитием технологий ее распространения и хранения возникли новые проблемы. Стало очевидным, что в сформировавшемся информационном обществе, которое даже стали называть «обществом знаний», людям потребуются новые умения и навыки. Потому-то вопрос о «понимании информации» начал приобретать новое звучание.

Однако с переходом цифровой революции в информационную среду на уровне конкретного индивидуума появляется все больше проблем. Так, при увеличении скорости и объемов распространяемой информации становилось все сложнее ее осваивать, запоминать, а затем и просто выбирать нужную. Это порождало потребность в новых навыках работы с информационной средой, что предполагало и повышение технологической грамотности, и – как это ни парадоксально – развитие кругозора, системное мышление, критичность пользователей. Оказываясь в центре информационных потоков, люди начинали испытывать неизвестные прежде вдохновения, эмоции и даже стрессы. А это подвело к необходимости поиска новых подходов к человеческому мышлению, психологии. Другие проблемы информационной среды – анонимность, уход от традиционной идентичности к вымышленной для виртуального бытования, изменение подходов к вопросам личной ответственности – только усложнили понимание современной личности. Вопрос доступа к телекоммуникационным сетям и коммуникационным устройствам стал определять не только формы организации досуга, но и возможности профессионального/карьерного роста, образовательные перспективы в жизни людей.

В конце концов, влияние цифровых технологий перешагнуло границы индивидуального, и новые формы коммуникации начали оказывать влияние на традиционные социальные институты. Так, снимая барьеры в распространении новостей, идей, мнений, новая эпоха всеобщих медиа бросила вызов иерархическому обществу, цензурируемому СМИ, информационной бедности. Гражданское общество получило невиданные прежде инструменты публичности и социальной мобилизации, что резко изменило не только форматы политической коммуникации, но и создало новые формы протестной активности. Институт семьи и его коммуникационные практики испытали воздействие как доминирования компьютерно опосредованного общения, так и цифрового неравенства в доступе поколений к новой среде. Нельзя не вспомнить и про новые инструменты контроля и слежения за информационным поведением всех и каждого, которыми теперь так легко могут воспользоваться государства, корпорации, криминалитет. В последние годы на этом фоне особенно возросла роль медиа, ставших посредниками между людьми и институтами, внутри старых и новых сообществ, между близкими и далекими, родными и чужими.

Словом, появление новых реалий информационного общества сформировало очевидную потребность в новых – информационных – компетенциях современного человека, с помощью которых он мог бы извлекать выгоды и защищать себя в условиях информационно насыщенного медиатизированного цифрового общества.

Пишите нам)

Елена Вартанова